

А. А. Гужаловский

Хулиганство в Советской Белоруссии в годы оттепели (1953–1968)

Преступления против общественного порядка, именуемые хулиганством, были неотъемлемой частью белорусской советской повседневности с периода военного коммунизма. Во всей полноте данная социальная проблема предстала перед белорусскими советскими властями уже в годы нэпа. Именно тогда модернизационный переход обусловил появление в городах чужака, маргинала, вынужденного жить в двух культурах — традиционной и современной. Стремительная урбанизация сопровождалась утратой недавними крестьянами предопределенности, социального контроля, что Э. Дюркгейм описывал термином «аномия»¹. Многие мигранты, не порвавшие целиком со своими сельскими корнями и не полностью интегрировавшиеся в городскую жизнь, фактически оказались в ситуации аномии. Она характеризовалась состоянием деморализации и ослабления связей с обществом, чувством отчуждения от людей и бессмысленности жизни, что породило контркультуру городских низов — хулиганство.

В послевоенном белорусском обществе, травмированном войной и перманентными политическими чистками, это явление превратилось в тяжелую, хроническую социальную болезнь. В условиях ускоренной урбанизации разрушение традиционных механизмов социального контроля наложилось на отсутствие в сталинскую эпоху механизмов самоорганизации общества, что привело к появлению нового потока социально дезориентированных людей, утративших прочную основу традиционной жизни и не обретших новой социальной или личностной идентичности.

**Гужаловский
Александр
Александрович**
д-р ист. наук,
проф., Белорусский
государственный
университет (Минск,
Беларусь)

Первые шаги к либерализации, сделанные после смерти Сталина, лишь усложнили ситуацию. Только за вторую половину 1953 г. на территории БССР было прописано 29 734 амнистированных по Указу Верховного Совета СССР от 27.03.1953 («бериевская амнистия»), значительное число которых составляли социально дезориентированные люди с криминальным прошлым². Многие из них воспринимали ослабление репрессивного характера политической власти как проявление ее слабости, что способствовало дальнейшей криминализации общества. Вместе с тем, провозгласив на XXII съезде курс на строительство коммунизма, Н. С. Хрущев поставил перед милицией, судом и прокуратурой, всей советской общественностью задачу полного искоренения преступности. Хулиганство, как наиболее «общественное» преступление, портившее фасад «страны будущего», оказалось в центре внимания государства и общества. Масштабы этого явления заставили обратить на него внимание современных российских³ и западных⁴ историков, однако в белорусской историографии, несмотря на обилие фактического материала, оно специально не исследовалось.

В ноябре 1956 г. министр юстиции БССР И. Д. Ветров доложил секретарю ЦК Коммунистической партии Белоруссии (КПБ) Т. Я. Киселеву о неуклонном росте числа жителей республики, осужденных за хулиганство. В 1948 г. таковых было 1590 чел., в 1950 г. — 2191 чел., в 1952 г. — 2425 чел., в 1954 г. — 2959 чел., в 1955 г. — 2968 чел., в первой половине 1956 г. — 2483 чел. За тот же период «за нарушение общественного порядка» около 16 тыс. чел. были привлечены к ответственности через административные комиссии. Наибольшее количество случаев хулиганства произошло в Минской, Гомельской и Витебской областях; 58 % от общего числа хулиганских действий были совершены рабочими, 29 % — колхозниками, 7 % — служащими, 5 % — студентами, 1 % — безработными; 96 % всех преступлений были совершены в состоянии алкогольного опьянения⁵.

Сообщения белорусской печати о хулиганских выходках в 1956 г. напоминали сводки с фронта. Железнодорожники станции Минск М. Комлик, Г. Черепко и другие в пригородных поездах «в состоянии алкогольного опьянения оскорбляли пассажиров, проводников и контролеров, устраивали драки, ломали запорную арматуру, останавливали поезда, создавали угрозу безопасности движения»⁶. Хулиган Пастушенко был задержан после того, как 30 апреля в центре Могилева на улице Первомайской возле областного управления милиции убил ножом девушку. До этого он задерживался городской милицией за нападение с кастетом на гражданина у ресторана «Днепр», а также с ножом в кинотеатре «Родина»⁷. Преподаватель Могилевского техникума колхозного и сельского строительства Мархель, дежуривший в общежитии, был зарезан хулиганом за то, что вступился за студентку⁸. Житель Плещениц 22-летний Виктор Жолудев ворвался в нетрезвом состоянии в частный дом, выбил окна и двери, разогнал всех жильцов. Не удовлетворившись этим, он схватил топор и пошел к зданию леспромхоза, где также учинил погром⁹. 25 августа около 12 часов ночи трое хулиганов — механик ТЭЦ-3 Бобков, механик радиозавода Пискунов и рабочий завода теплового оборудования Захаревский — жестоко избили гражданина

и, сняв с него куртку и часы, скрылись¹⁰. В большинстве случаев люди боялись не только остановить разъяренных хулиганов, но даже стать свидетелями их преступных действий.

Распространение хулиганства имело и демографическое объяснение. Большинство хулиганов в период оттепели составляли трудные юноши и подростки, оказавшиеся без контроля родителей, погибших во время Второй мировой войны. В условиях примитивной организации досуга хулиганская романтика — дерзость в поведении, подкрепляемая наличием ножа или каскета в кармане, а также бандитский жаргон, шансон, татуировки — провоцировала молодежь даже из состоятельных семей, не склонную к девиантному поведению, походить на хулиганов. Так, в 1954 г. героями критической статьи в республиканской молодежной газете «Чырвоная змена» стали сыновья заместителя министра коммунального хозяйства БССР А. И. Темкина и директора Минского политехнического института А. А. Пигулевского. Первый пытался ограбить шофера, второй участвовал в поножовщине¹¹. В 1956 г. орган ЦК Ленинского коммунистического союза молодежи (ЛКСМБ) посвятил отдельный материал сыну заместителя министра внутренних дел БССР В. К. Тимошенко, участвовавшему в драках с применением холодного оружия¹².

По данным первого секретаря ЦК КПБ К. Т. Мазурова, более 45 % всех привлеченных к уголовной ответственности в 1960 г. составляли лица моложе 25 лет. Из 8598 заключенных в 13 исправительно-трудовых колониях, действовавших в БССР на 1 января 1959 г., 3117, или 30,6 %, составляли лица в возрасте до 25 лет включительно. Самой многочисленной категорией заключенных (2125 чел.) были хулиганы, более половины из которых (1228 чел.) составляли молодые люди¹³.

С 1956 по 1965 г. число детей школьного возраста в БССР увеличилось почти на 50 %. С ростом числа подростков росла и преступность среди несовершеннолетних. С 1954 по 1958 г. включительно в БССР было осуждено 6340 чел. в возрасте от 12 до 18 лет (в 1954 г. — 1020 чел., в 1955 г. — 1066 чел., в 1956 г. — 1482 чел., в 1957 г. — 1316 чел., в 1958 г. — 1456 чел.). Из них 1566 чел. были лишены свободы за кражу государственного и общественного имущества, 1416 — за кражу личного имущества, 1379 — за хулиганство, 397 — за разбой, 234 — за изнасилование, 100 — за убийство, 1248 — за другие преступления¹⁴. В 1965 г. несовершеннолетние совершили в Минске 17,5 % от общего числа преступлений¹⁵.

30 ноября 1961 г. Президиум Верховного Совета БССР утвердил «Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних». Комиссии создавались при исполнительных комитетах районных, городских и областных советов, их основными задачами были «профилактика правонарушений среди несовершеннолетних, осуществление мероприятий по борьбе с безнадзорностью несовершеннолетних, а также устройство детей и подростков и защита их прав»¹⁶. К середине 1960-х годов во всех районах БССР действовали летние лагеря для трудных подростков, находившиеся в ведении ЦК ЛКСМБ¹⁷. Для перевоспитания наиболее трудных малолетних правонарушителей были открыты одна трудовая и две воспитательные колонии. Понимание физического труда

в коллективе как важнейшей составляющей воспитания и перевоспитания детей и подростков утвердил апрельский (1960 г.) пленум ЦК КПБ¹⁸.

Нарушители общественного порядка обычно действовали в составе банд, сформированных из юношей и подростков по месту их работы, учебы или жительства. Как правило, их возглавлял неформальный лидер. Например, в Гродно действовали «шанхайцы», «космонавты», «пересельские» и др.¹⁹ Подобные молодежные группы терроризировали жителей Борисова, Барановичей, Орши и других белорусских городов²⁰.

Члены банд контролировали определенную территорию и часто находились в состоянии вражды друг с другом. Эта вражда периодически проявлялась в коллективных драках: район на район, улица на улицу. Стычки между группами хулиганов, особенно в вечернее и ночное время, носили дикий, ожесточенный характер, иногда с тяжелыми ранениями и даже со смертельным исходом. Одна из подобных коллективных драк произошла вечером 3 мая 1964 г. у Театра оперы и балета в Минске, когда милиция задержала 18 чел. (остальные разбежались) и отобрала у них металлические пруты и ножи²¹.

Распространенными проявлениями хулиганства были немотивированные избиения и даже убийства прохожих на улицах. В основном подобным в поисках «романтики» занимались подростки. Одним из таких «романтиков» был несовершеннолетний А. Григорьев, работавший учеником токаря на Минском заводе автоматических линий. В сентябре 1964 г. он с двумя друзьями в состоянии опьянения останавливал и избивал всех встречавшихся прохожих. Происходило это так: «Стой, куда идешь?» — и в ход шли кулаки²².

Обычным явлением было сексуальное насилие. Вот как, например, описывала выходной день одна из работниц Любанского пенькозавода:

В субботу на работу в третью смену пошли восемь девушек, а мы втроем остались дома. И вот, когда мы легли спать, слышим стук в дверь. Было уже поздно, и в час ночи мы стояли ни живые ни мертвые. Людочка, сколько было страху! Хулиганы начали ломать дверь. Что они только не делали, даже вставили нож в замочную скважину. Я держала ключ изнутри, и нож чуть не попал мне в руку. Потом стали снимать стекла с оконных рам. Мы плакали, дрожа от страха. Людочка, что тут творится! Днем эти хулиганы ворвались в нашу комнату и довели нас до слез. Что нам делать? Здесь даже милиция ничего не может сделать. Так жить нельзя²³.

В некоторых случаях, доведенные до отчаяния, девушки сами переходили в контрнаступление и наводили порядок на танцплощадках, выгоняя пьяных сквернословов с окурками во рту²⁴. Хулиганские группы действовали не только на танцплощадках. На катке минского стадиона «Пищевик» они ежедневно срывали с отдыхающих меховые шапки и отбирали кожаные перчатки²⁵. Хулиганы врывались в клубы, пивные, кинотеатры, где устраивали потасовки и избивали присутствующих. В январе 1967 г. трое молодых людей под видом дружинников проникли в кинотеатр «Пионер» в Минске, где до смерти избили шлифовщика Минского радиозавода Н. Счисленко. Тяжело ранен в тот день был также студент Минского автомеханического техникума А. Лимаров²⁶. В 1956 г. в связи с участившимися случаями рукоприкладства, в том числе избиений преподавателей студентами, ректор Белорусской сельскохозяйственной академии

И. Ф. Гаркуша был вынужден обратиться в горсовет с просьбой о создании в академии поста милиции²⁷.

Из хулиганских побуждений совершались более тяжкие преступления, такие как убийство в 1966 г. молодого писателя И. Хадановича — минской шпане не нравилось, что он разговаривал по-белорусски²⁸. В следующем году в Минске состоялся открытый суд, где рассматривалось дело об убийстве на городском катке воспитанника суворовского училища В. Карнацкого²⁹. Тогда же в коллективном письме в ЦК КПБ жители Бреста писали: «Из-за частых случаев хулиганства в нашем городе, один из которых закончился убийством, в дни ноябрьских праздников люди боятся выходить на улицу»³⁰.

Массовое хулиганство портило имидж общества, которое, по утверждению пропаганды, избавлялось от последних пережитков прошлого и вступало в светлое коммунистическое будущее. Поэтому было решено от него решительно избавиться.

До 1961 г. белорусские хулиганы привлекались к ответственности по ст. 107 Уголовного кодекса БССР 1928 г. Первый ее пункт предусматривал лишение свободы на срок до одного года за хулиганские действия в общественных местах. Второй пункт этой статьи предусматривал лишение свободы на срок до пяти лет за те же действия, совершенные не впервые либо отягченные особой грубостью, групповым характером, а также сопротивлением милиции. В Уголовном кодексе 1928 г. хулиганство понималось как «действия, сопряженные с явным неуважением к обществу или личности, в частности буйство и бесчинство»³¹.

30 декабря 1956 г. в ответ на поток жалоб трудящихся в партийные и советские органы Верховный Совет БССР принял Постановление «Об ответственности за мелкое хулиганство»³². Этот документ ввел в отечественную юридическую практику понятие «мелкое хулиганство», расширившее поле девиантного поведения граждан. Под этим понимались нарушение общественного порядка и спокойствия и иное непристойное поведение в общественном месте, что до сих пор было вне поля зрения правоохранителей. За подобные деяния была предусмотрена административная ответственность и лишение свободы на срок от 3 до 15 суток. Многие мелкие хулиганы искренне удивлялись полученному наказанию, так как их отправляли на сутки за исполнение традиционных ритуалов их маскулинного мира (пьянство, сквернословие и драки).

Широкое определение мелкого хулиганства позволяло бдительным представителям советской общественности, а позднее и судьям квалифицировать подобным образом любое поведение, противоречащее советскому образу жизни. Белорусские советские идеологи 1960-х годов объясняли хулиганское поведение молодых людей их пристрастием к джазу, штанам-«дудочкам» и «длинным локонам, висящим на воротнике». Хулиганством они считали также популярное в то время занятие минской молодежи — коллективное прослушивание джазовой музыки по транзисторам во дворах³³.

Народный судья рассматривал материалы о мелком хулиганстве единолично в течение суток после их поступления из органов внутренних дел с вызовом лица, совершившего хулиганский поступок, а в необходимых случаях

и свидетелей. Решение судьи об аресте за мелкое хулиганство исполнялось немедленно и обжалованию не подлежало. Осужденные за мелкое хулиганство содержались в следственных изоляторах или в тюрьмах с привлечением их к физическому труду³⁴.

Практика рассмотрения судами «хулиганских» дел была далека от совершенства. Судьи иногда выносили крайне мягкие приговоры закоренелым преступникам. Так, нарсуд Железнодорожного района Гомеля дал испытательный срок без лишения свободы неким Сырежжину и Кирсанову, которые в пьяном виде нанесли ножевые ранения гражданам и сдались милиции только под угрозой применения огнестрельного оружия. Методиста физической культуры Молодечненской мебельной фабрики П. Колосова, регулярно избивавшего и пытавшего свою жену «каленным железом», суд сдал на поруки коллектива³⁵. Иногда суды были необоснованно суровыми в наказании впервые нарушивших закон, превращая многих из них в рецидивистов. Так поступил суд Мстиславского района, приговоривший учащегося школы механизации сельского хозяйства Крысанова к четырем годам лишения свободы за пять разбитых стекол³⁶.

Одним из первых белорусских «декабристов» (так в шутку называли тех, кто попал под действие декабрьского Постановления «Об ответственности за мелкое хулиганство») был электросварщик Сытько, арестованный милицией в начале 1957 г. в бараке № 3 поселка Малая Слепянка за назойливое приставание к женщинам. 5 января судья 1-го участка Сталинского района Минска приговорил его к аресту на 10 суток³⁷. В следующие месяцы суды без особых формальностей выносили аналогичные наказания тысячам мелких хулиганов, а в июне 1957 г. МВД БССР доложило в ЦК КПБ о первых успехах:

В январе — апреле 1957 г. народными судьями республики по материалам, переданным из милиции, арестовано за мелкое хулиганство 15 567 чел. Из них 1531 чел. моложе 18 лет, 4777 чел. моложе 25 лет и 9259 чел. старше 25 лет. Среди арестованных — 1527 комсомольцев и 251 коммунист. За указанное время в 520 случаях судьи отказали органам милиции в привлечении к ответственности за мелкое хулиганство в связи с отсутствием веских оснований³⁸.

Одним из тех, кому посчастливилось избежать наказания, был В. Кудревич, актер Белорусского театра им. Янки Купалы, задержанный милицией в состоянии алкогольного опьянения в буфете железнодорожного вокзала³⁹. Однако подавляющее большинство «декабристов» составляли представители рабочих профессий, которых судьи отправляли на унижительные работы, например в Минский трест по очистке улиц и дворов. Среди немногочисленных женщин, осужденных в первые месяцы действия Постановления «Об ответственности за мелкое хулиганство», была минчанка В. Белявская, которая «всегда ссорилась с соседями, ругалась матом и хулиганила»⁴⁰.

Хулиганство было самым распространенным видом преступления в белорусской столице. По данным городской прокуратуры, в 1957 г. по ст. 107 осудили 499 чел., что составляло 25,7 % от общего числа привлеченных к уголовной ответственности. Еще 3 907 минчан привлекли к административной ответственности за мелкое хулиганство. В прокуратуре отмечали, что после введения

административной ответственности за хулиганство количество осужденных по уголовной статье по сравнению с прошлым годом уменьшилось на 209 чел.⁴¹

Тенденция к снижению уголовной ответственности хулиганов при одновременном более активном привлечении их к административной ответственности прослеживается и в материалах Верховного Суда БССР (см. табл.).

Таблица

Количество жителей БССР, привлеченных к ответственности за хулиганство в 1960–1962 гг.

Вид ответственности \ Год	1960	1961	1962
Уголовная	4616	3293	3018
Административная	31 349	37 530	41 176

Составлено по: НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 638. Л. 152.

Введение административной ответственности за мелкое хулиганство отражало общий процесс гуманизации советского законодательства. По всей стране прошли собрания рабочих коллективов под девизом «Надо верить!», посвященные возвращению пьяниц и хулиганов к нормальной жизни. В декабре 1958 г. Верховный Совет СССР принял Основы уголовного права СССР и союзных республик, где говорилось об усилении роли общественности в охране социалистического правопорядка и более широком использовании методов убеждения и предотвращения преступлений. Выполняя данную директиву, прокуратура БССР констатировала снижение выдачи ордеров на арест в 1959 г. по сравнению с 1958 г. на 27 %. Одним из тех, кто избежал ареста в том году, был заслуженный мастер спорта, спартаковец А. Юлин, совершивший хулиганство и оказавший сопротивление милиции в минском кафе «Весна». В 1959 г. как бывший партизан вышел из тюрьмы китаец Пау Сан, ранее осужденный Фрунзенским районным судом г. Минска на четыре года лишения свободы за «незначительные хулиганские действия»⁴². Дальнейшее ограничение уголовного наказания хулиганов было определено в закрытом письме ЦК КПСС «О повышении роли общественности в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка», поступившем в Минск 5 ноября 1959 г.

Гуманизация советского законодательства нашла отражение в новом Уголовном кодексе БССР 1960 г., ст. 49 которого разрешила освобождать от уголовной ответственности хулиганов, впервые причинивших легкие телесные повреждения, избивших или оскорбивших граждан, а их дела передавать в товарищеские суды. Статья 50 предусматривала еще более гуманное обращение с хулиганами, раскаявшимися в преступлениях, «не представляющих значительной общественной опасности», а именно передачу их на перевоспитание в трудовые коллективы⁴³.

Вместе с тем, в соответствии со ст. 201, разделявшей хулиганов на «мелких» и «зlostных», последним грозило лишение свободы на срок до пяти лет. Мелким хулиганам, дважды в течение года привлекавшимся к административной ответственности, грозили исправительные работы на срок до одного года или штраф до 50 руб. Помимо «хулиганских» статей, произошли изменения и в ст. 100 «Убийство при отягчающих обстоятельствах», где появился п. «б» («из хулиганских побуждений»)⁴⁴.

Организаторы антихулиганской кампании пытались подчеркнуть ее эгалитарный характер, и в ряде случаев среди осужденных были ответственные работники. Например, весной 1961 г. по ст. 201 было возбуждено уголовное дело в отношении Г. Кузьменкова, председателя одного из колхозов Могилевской области. Поводом стало письмо в газету «Правда» одного из колхозников, в котором рассказывалось о том, как председатель, «превратившись в хулигана», избивал граждан⁴⁵.

13 октября 1961 г. в газетах было опубликовано «Положение о товарищеских судах», утвержденное Указом Президиума Верховного Совета БССР⁴⁶. В процессе его реализации в 1962 г. 4857 чел. передали на перевоспитание коллективом трудящихся, а 2542 дела частного обвинения — в товарищеские суды⁴⁷. Пресса всячески пропагандировала их деятельность по возвращению заблудших душ к активному коммунистическому строительству. «Советская Белоруссия» рассказала о товарищеском суде колхоза им. Лебедева Гомельской области, который менее чем за три месяца рассмотрел более 30 дел: «Те, кому пришлось держать ответ перед общественностью, сейчас активно работают, ведут себя хорошо в повседневной жизни»⁴⁸. В декабре 1963 г. Верховный Совет БССР внес в Положение о товарищеских судах изменения, направленные на расширение их полномочий. В частности, товарищеским судам разрешалось отправлять мелких хулиганов на неквалифицированные работы сроком до 15 суток⁴⁹.

Еще одной публичной формой борьбы с хулиганством были добровольные народные дружины (ДНД). Они создавались на базе первичных комсомольских, партийных и профсоюзных организаций и состояли преимущественно из молодежи. В задачу отрядов дружинников входили предупреждение и пресечение нарушений общественного порядка, а также проведение воспитательной работы с населением во взаимодействии с милицией. Предшественниками добровольных народных дружин были бригады помощи милиции в борьбе с хулиганством (бригады милиции), появившиеся в 1956 г., одновременно с Постановлением Верховного Совета БССР «Об ответственности за мелкое хулиганство»⁵⁰.

Вот как описывался один из первых рейдов минских дружинников в парке им. Горького под руководством начальника их штаба, известного спортсмена В. Сазановича:

Оживленные группы людей заполнили все аллеи. Несколько пьяных шли навстречу человеческому потоку, никому не уступая дорогу. Патруль отправил их в штаб для разъяснительной работы. Рядом с танцплощадкой появился пьяный электрик Б. Шпилевский, пристававший к прохожим. Вооруженный ножом рабочий банно-прачечного комбината В. Куль грубо ухаживал за девушками. На замечание дружинника он пообещал убить его. Оба хулигана задержаны⁵¹.

После выхода 2 марта 1959 г. Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» деятельность ДНД приобрела более централизованный и формализованный характер. Были определены их задачи, полномочия и формы работы. Для руководства народными дружинами повсеместно создавались городские и районные штабы во главе с секретарями горкомов и райкомов партии и комсомола. По состоянию на 25 апреля 1959 г. в республике действовали 4260 дружин, в которые влились 92 724 чел., в том числе 6440 женщин. Первые добровольные народные дружины возникли в сельской местности. Например, весной 1959 г. дружинниками колхозов Ивановского района Брестской области было выявлено более 40 чел., которые занимались самогонварением⁵².

Дружины создавались на предприятиях, стройках, транспорте, в учреждениях, колхозах, совхозах, учебных заведениях и хозяйственных организациях. В Гомеле возникли дружины, объединившие офицеров запаса и пенсионеров⁵³. Дружинники Минского кооперативного техникума взяли на себя обязанности общественных контролеров. Они приходили в заведения общепита и выявляли обман клиентов⁵⁴. Появились общественные автоинспекторы, помогавшие ГАИ⁵⁵. Только в 1959 г. белорусские дружинники предотвратили более 800 уголовных преступлений, задержали около 200 преступников, а также 5000 нарушителей общественного порядка и правил дорожного движения⁵⁶.

Внешними знаками отличия дружинников были красные нарукавные повязки, а также нагрудные знаки, которые вручались членам ДНД вместе с удостоверением. Обычно они патрулировали улицы городов, территории предприятий, следили за порядком в общественных местах группами по несколько человек. Члены дружин обладали достаточно широкими полномочиями, в том числе правом задерживать человека и доставлять его в милицейский участок.

Иногда реализовать это право на практике было непросто. Вот как корреспондент молодежной газеты описывает один из вечеров на танцплощадке витебского парка имени 30-летия ВЛКСМ: «Как-то на танцплощадку пришел пьяный бандит-рецидивист Гапеев. Начал драку, тяжело ранил одного, нанес раны еще двоим»⁵⁷. В 1961 г. семь ножевых ранений в клубе Борисовского фанерно-спичечного комбината получил дружинник А. Ушаткин⁵⁸. Регулярные стычки между дружинниками минской бисквитной фабрики и вооруженными хулиганами происходили в парке Победы⁵⁹.

15 февраля 1962 г. в связи с увеличением числа случаев агрессивного поведения преступников по отношению к дружинникам было принято Постановление Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство сотрудников милиции и дружинников». В числе первых, к кому применили «усиленную ответственность», были рабочие Минского лесхоза Пивавар и Махнач, убившие ножами дружинника И. Гайдука. Убитого 32-летнего водителя колхоза им. Я. Купалы, вставшего на защиту женщины от двух разъяренных хулиганов, посмертно наградили медалью «За отвагу»⁶⁰.

Больше повезло витебскому дружиннику В. Рыбкину, который в ноябре 1962 г. во время задержания дебоширов в заводской столовой по ул. Димитрова

получил пять ножевых ранений, но выжил. Одним из напавших на дружинника оказался некий Иванов, еще до войны привлекавшийся к уголовной ответственности по статье о хулиганстве. В ходе следствия выяснилось, что задержанный был не только хулиганом, но и военным преступником. В результате Иванова расстреляли, а В. Рыбкина наградили Орденом Красной Звезды⁶¹. К моменту проведения 2-го республиканского слета дружинников в марте 1967 г. около 100 из них уже были награждены орденами и медалями⁶².

К середине 1960-х годов, когда, по официальным данным, численность членов ДНД в Советской Белоруссии увеличилась до 150 тыс. чел., стали видны системные изъяны в их деятельности. Местные чиновники стремились достичь стопроцентного охвата молодежи, зачисляя ее в народные дружины с использованием административного давления. Например, в Барановичах, где численность дружинников достигала 5397 чел., многие из них не имели ни удостоверений, ни повязок, ничего не знали о своих правах и обязанностях. Патрулирования районов почти не осуществлялось, а вся работа дружинников сводилась к явке в городской штаб раз в месяц, за что они получали отгулы. Могилевские дружинники приходили на «дежурства» в единственный в городе парк культуры и отдыха, снимали повязки и танцевали со всеми⁶³. В некоторых дружинах сложилась нездоровая склонность скидываться «по рублику» во время выполнения своих обязанностей по охране общественного порядка. В результате командир ДНД Барановичского мясокомбината Р. Соловьев во время несения дежурства сам был отправлен в вытрезвитель⁶⁴.

В ряде мест отмечалось превышение дружинниками своих полномочий, например в г. Косово Брестской области, где городские дружинники полностью уничтожили хулиганство «как явление» с применением столь жестоких силовых мер, что получили прозвище «вышибалы с красными повязками»⁶⁵. Иногда борьба с хулиганами принимала форму мести. Так, после зверского избиения студента Белорусского института физкультуры на танцплощадке в минском парке Челюскинцев коллективом этого института был проведен «комсомольский рейд», в котором приняли участие более 200 чел.⁶⁶

Несмотря на все усилия сотрудников правоохранительных органов, дружинников, товарищеских судов и рабочих коллективов, в первой половине 1960-х годов хулиганство по-прежнему оставалось одной из наиболее острых социальных проблем. Об этом свидетельствуют количество и содержание писем, регулярно получаемых партийным руководством от трудящихся республики.

В апреле 1963 г. жительница поселка Минского шарикоподшипникового завода Р. Фамборова сообщала К. Т. Мазурову:

В прошлом году наш поселок просто захлестнула волна бандитизма. Милиции нигде не видно. Если вам скажут, что здесь есть милицейские посты, не верьте. Иногда днем на Могилевском шоссе можно увидеть милиционера или члена бригады, которые свистят, когда кто-то переходит не на тот пешеходный переход. Когда стемнеет, можно убивать, грабить, делать что угодно — защиты нет. Вечером 5 декабря 1962 г. на улице Народной был зарезан хороший 18-летний парень, ученик 10-го класса 23-й вечерней школы. При этом второй парень был тяжело ранен. На мою 17-летнюю дочь уже дважды нападали

бандиты с ножами. В первый раз ей удалось сбежать, во второй раз (вчера, 17 апреля, в 10 часов вечера) ее чуть не убил и изнасиловал в нашем подъезде негодяй, который преследовал ее с остановки. Спасла соседка... В такой ситуации невозможно нормально жить, работать и учиться⁶⁷.

Неразборчиво подписавшая свое письмо Л. И. Брежневу жительница Бобруйска так описывала ситуацию в городе в январе 1965 г.:

У нас беспокойно, хулиганство ужасно разрастается... Страдает много невинных людей. Раненых госпитализируют, некоторых убивают, оставляя вдов и сирот. Хулиганам не дают отпор. Они вооружены холодным оружием и передвигаются целыми группами... Руководители нашего города себя обеспечили, их дети устроены на хорошую учебу и работу, и им нечего думать об остальных⁶⁸.

В сентябре того же года к Л. И. Брежневу и П. М. Машерову обратились рабочие Барановичского завода торгового машиностроения, которые охарактеризовали обстановку в их городе как «тревожную»:

В последнее время у нас увеличились случаи убийства невинных людей со стороны хулиганов. Со стороны правоохранительных органов к ним не применяются должные меры, они не нейтрализуются, убийства не предотвращаются. Доходит до того, что в вечернее и ночное время граждане не могут проходить через определенные места без угрозы быть изуродованными, ограбленными и раздетыми. Милицейские органы знают о таких опасных местах. Вот они: пешеходные мосты на станциях Барановичи-Центральная и Барановичи-Полесские, районы текстильного комбината, городского рынка и др.⁶⁹

Сигналом к началу новой кампании против хулиганов стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966 «Об усилении ответственности за хулиганство». Его авторы предложили новую классификацию данного вида преступлений: теперь они делились на мелкое хулиганство (нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное отношение к гражданам и т. п.), простое хулиганство (грубое нарушение общественного порядка) и злостное хулиганство (те же действия, совершаемые с исключительным цинизмом и особой дерзостью). Указ устанавливал широкий спектр наказаний — от штрафа до семи лет лишения свободы. В частности, предусматривалась серьезная уголовная ответственность (от трех до семи лет) не только за применение, но даже за попытку применения холодного оружия, такого как нож, кастет и т. п. За мелкое хулиганство теперь привлекались к административной ответственности с 16 лет, а если несовершеннолетний совершил два хулиганских поступка в течение года, он привлекался к уголовной ответственности. Была усилена ответственность родителей малолетних хулиганов, на которых налагались штрафы. Если хулиган получал тюремный срок более пяти лет, то две трети этого срока он должен был отбыть в колонии усиленного режима. Граждан, останавливавших хулиганов, в указе приравнивали к милиционерам и дружинникам⁷⁰.

Вскоре после принятия Указа «Об усилении ответственности за хулиганство» несколько изменился внешний вид милиционеров — на их вооружении появились резиновые дубинки, которые разрешалось использовать для «сдерживания бесчинств хулиганов и других преступников, а также в отношении

нарушителей общественного порядка, отказывающихся выполнять законные требования сотрудников милиции, для защиты от нападений на сотрудников милиции или дружинников, должностных лиц, государственных, общественных организаций и граждан». При этом милиционерам категорически запрещалось бить дубинками по лицу и голове, применять их против женщин, детей, стариков и инвалидов, а также в милицейских участках⁷¹.

Широкая трактовка хулиганства в указе 1966 г. вызвала проблемы, связанные с применением законодательства об ответственности за него. В некоторых случаях такое широкое толкование позволяло принимать несправедливые судебные решения. Одно такое решение спровоцировало массовые беспорядки в г. Слуцке, сохранившиеся в белорусской коллективной памяти под названием «слуцкий бунт». В октябре 1967 г. городской суд в Слуцке квалифицировал убийство чиновником местного горисполкома коммунистом Г. А. Гапановичем рабочего А. С. Николаевского как злостное хулиганство. Возмущенные жители ответили массовыми беспорядками на попытку судьи спасти представителя власти от должного наказания. В ходе народных волнений было сожжено здание суда, убиты судья и сотрудник МВД, десятки вызванных на подкрепление милиции солдат получили ранения⁷².

Несмотря на все усилия власти и общества, направленные на борьбу с хулиганами периода хрущевской оттепели, они оставались неотъемлемой частью повседневной жизни белорусских городов и во времена застоя. Законодательные эксперименты 1950–1960-х годов, а также мероприятия практического характера принесли больше вреда, чем пользы. Вопреки действиям милиции, добровольных народных дружин, товарищеских судов численность хулиганов и масштабы их преступлений не только не снижались, но даже увеличивались. Сохранение девиантных форм поведения в белорусском советском обществе было обусловлено состоянием аномии, в котором все еще находилась значительная часть молодежи, нежеланием ее участия в официальной общественно-политической жизни республики.

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. С. 238.

² Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 62. Д. 389. Л. 2.

³ Суверов Е. В., Карзанов Н. В. Противодействие хулиганским проявлениям в Алтайском крае (50–60-е годы XX в.) // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 3 (22). С. 114–118.

⁴ La Pierre B. Hooligans in Khrushchev's Russia. Defining, policing, and producing deviance during the thaw. Madison, 2012.

⁵ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 450. Л. 749–751.

⁶ Лосев П. Нарушители общественного порядка наказаны // Советская Белоруссия. 1956. 31 марта. № 76. С. 3.

⁷ Гур А. Этого могло не случиться // Там же. 1 июля. № 151. С. 2.

⁸ Прокудович В. По следам преступлений // Там же. 19 авг. № 193. С. 3.

⁹ Хулиган наказан // Там же. 28 авг. № 200. С. 4.

¹⁰ Пойманы с поличным // Там же. 31 авг. № 203. С. 4.

¹¹ Крыніцкі М. Ціна // Чырвоная змена. 1954. 19 мая. № 98. С. 3.

¹² Перицаў У. Хулігану не месца ў студэнцкай сям'і // Там же. 1956. 4 студз. № 3. С. 3.

¹³ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 513. Л. 15–16.

- ¹⁴ Там же. Д. 517. Л. 64.
- ¹⁵ Там же. Д. 689. Л. 42.
- ¹⁶ Указ Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларускай ССР «Аб зацвярджэнні Палажэння аб камісіях па справах непаўналетніх» // Збор законаў, указаў Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларускай ССР, пастановаў і распараджэнняў Савета Міністраў Беларускай ССР. 1961. 7 снеж. № 36 (956). С. 1680–1685.
- ¹⁷ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 47. Д. 561. Л. 28–37.
- ¹⁸ Там же. Оп. 62. Д. 529. Л. 7.
- ¹⁹ Там же. Д. 651. Л. 131.
- ²⁰ *Нестерова М.* С этим надо бороться // Советская Белоруссия. 1956. 9 авг. № 184. С. 3.
- ²¹ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 65. Д. 145. Л. 98.
- ²² *Сарока У.* Каб кожны дзень быў, як свята // Чырвоная змена. 1966. 6 жн. № 150. С. 2.
- ²³ *Фирштейн Б.* «Чужие» приезжие и «свои» хулиганы // Знамя юности. 1965. 18 нояб. № 229. С. 2–3.
- ²⁴ *Кобрин В.* Гроза хулиганов — ... девушки // Там же. 1958. 15 апр. № 74. С. 3.
- ²⁵ *Долгих А.* Случай на катке // Сталинская молодежь. 1955. 6 марта. № 46. С. 3.
- ²⁶ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 65. Д. 161. Л. 13.
- ²⁷ *Пискарев В.* Дать решительный отпор хулиганам! // Сталинская молодежь. 1956. 6 янв. № 5. С. 2.
- ²⁸ Памяці друга // Літаратура і мастацтва. 1966. 11 студз. № 4. С. 4.
- ²⁹ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 65. Д. 158. Л. 103.
- ³⁰ Там же. Д. 164. Л. 156.
- ³¹ Крымінальны Кодэкс БССР // Збор законаў і загадаў Рабоча-Сялянскага Ўраду БССР. АДДзел 1. 1928. № 30. С. 862.
- ³² Збор законаў, указаў Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларускай ССР, пастановаў і распараджэнняў Савета Міністраў Беларускай ССР. 1956. № 12. С. 1024.
- ³³ *Куцаеў С.* Транзістар у падваротні // Беларусь. 1965. № 10. С. 26.
- ³⁴ По подсчетам прокуратуры СССР, только 20–30% осужденных за мелкое хулиганство использовались на физических работах надлежащим образом (*Lapierre B.* Making hooliganism on a mass scale. The campaign against petty hooliganism in the Soviet Union, 1956–1964 // *Cahiers du Monde Russe.* 2006. No. 1–2. P. 361).
- ³⁵ *Маскевіч С.* Хуліганаў — за каўнер! // Чырвоная змена. 1961. 1 жн. № 150. С. 3.
- ³⁶ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 450. Л. 772.
- ³⁷ Нарушители общественного порядка наказаны // Советская Белоруссия. 1957. 6 янв. № 5. С. 3.
- ³⁸ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 467. Л. 217–218.
- ³⁹ Там же. Д. 467. Л. 53.
- ⁴⁰ *Бамбалин В.* Указ в действии // Советская Белоруссия. 1957. 12 февр. № 36. С. 4.
- ⁴¹ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 487. Л. 327.
- ⁴² Там же. Д. 517. Л. 116, 118.
- ⁴³ Крымінальны Кодэкс Беларускай ССР. Минск, 1961. С. 23.
- ⁴⁴ Там же. С. 42.
- ⁴⁵ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 573. Л. 192.
- ⁴⁶ Положение о товарищеских судах // Советская Белоруссия. 1961. 13 кастр. № 242. С. 3.
- ⁴⁷ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 587. Л. 127.
- ⁴⁸ *Кормачев Л.* Рассматривает товарищеский... // Советская Белоруссия. 1962. 20 янв. № 17. С. 3.
- ⁴⁹ *Наливайко Н., Бурдзевіцкі Е.* Суд товарищей // Там же. 1963. 20 дек. № 297. С. 3.
- ⁵⁰ *Пушкарскі А.* Аднойчы вечарам // Маладосць. 1956. № 12. С. 18–19.
- ⁵¹ *Корсак В.* Комсомольский рейд // Советская Белоруссия. 1956. 12 сент. № 213. С. 4.
- ⁵² НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 503. Л. 110–113.
- ⁵³ *Писарков С.* По городу идут дружинники // Советская Белоруссия. 1960. 26 янв. № 21. С. 3.

- ⁵⁴ *Медведь В., Дубинина Л.* Контролеры-общественники // Советская Белоруссия. 1959. 12 дек. № 291. С. 3.
- ⁵⁵ *Прохоцкий Г.* На дороге — общественный автоинспектор // Там же. 1962. 6 мая. № 105. С. 4.
- ⁵⁶ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 528. Л. 184.
- ⁵⁷ *Хазанскі У.* Быць такімі, як Вася Рыбкін // Чырвоная змена. 1965. 30 студз. № 20. С. 2.
- ⁵⁸ *Луцкая Э.* Грудзь прыкрыўшы людзей // Знамя юности. 1961. 21 нояб. № 228. С. 3.
- ⁵⁹ *Лившиц В.* Пошады не будет! // Там же. 1962. 19 сент. № 184. С. 3.
- ⁶⁰ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 587. Л. 299.
- ⁶¹ *Андрющенко Н. К.* Подвиг Василия Рыбкина. Минск, 1974. С. 47–53.
- ⁶² *Гарадам і вёскам — узорны грамадскі парадак!* // Чырвоная змена. 1967. 1 крас. № 64. С. 1, 3.
- ⁶³ *Садовский И.* Пять выходных... в неделю // Знамя юности. 1962. 1 авг. № 149. С. 2.
- ⁶⁴ *Зяньковіч М.* Не знайшлі, бо не шукалі // Чырвоная змена. 1966. 2 жн. № 147. С. 2.
- ⁶⁵ *Бакіевіч Р.* Стварылі і... забыліся // Чырвоная змена. 1965. 25 сак. № 59. С. 2.
- ⁶⁶ *Яўменаў Л.* Хуліганам і дэбашырам рашучы камсамольскі адпор // Там же. 1956. 24 мая. № 100. С. 3.
- ⁶⁷ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 65. Д. 140. Л. 132.
- ⁶⁸ Там же. Д. 148. Л. 116.
- ⁶⁹ Там же. Д. 151. Л. 185.
- ⁷⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966 «Об усилении ответственности за хулиганство» // Знамя юности. 1966. 28 июля. № 145. С. 2.
- ⁷¹ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 65. Д. 155. Л. 196.
- ⁷² Там же. Д. 161. Л. 3–4.

Статья поступила в редакцию 26 июня 2023 г.
Рекомендована к печати 27 декабря 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гужаловский А. А. Хулиганство в советской Белоруссии в годы оттепели (1953–1968) // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 2. С. 483–497.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.214>

Аннотация: Статья посвящена хулиганству как одному из проявлений девиантного поведения в белорусских советских городах в 1950–1960-е годы. В эпоху хрущевской оттепели произошел его существенный рост, причины которого крылись в первую очередь в стремительной урбанизации, обусловленной масштабной индустриализацией Советской Белоруссии в рассматриваемый период. Немалую роль сыграли тяжелые демографические последствия Великой Отечественной войны, а также сталинская репрессивная политика, проводимая на протяжении почти всего послевоенного десятилетия. Сами хулиганы, в основном молодые представители рабочего класса, оправдывали свое поведение примитивно понятыми пропагандистскими клише о социальном превосходстве, порождавшими чувство вседозволенности и безнаказанности. Власть, долгое время не видевшая в хулиганстве серьезной опасности, в годы оттепели предприняла ряд мер юридического и воспитательного характера с целью его обуздания. Однако государственная политика по борьбе с хулиганством оказалась непоследовательной и неэффективной. Хулиганы оставались неотъемлемой частью повседневной жизни белорусских городов и во времена застоя. В статье показаны законодательные инициативы власти по обузданию хулиганства, в частности Постановление Верховного Совета БССР от 30.12.1956 «Об ответственности за мелкое хулиганство», разделение хулиганов в Уголовном кодексе БССР 1960 г. на «злых» и «мелких» с передачей дел последних в товарищеские суды, а также Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966 «Об усилении ответственности за хулиганство». Особое внимание уделено масштабам и формам хулиганства в городских социумах, степени его общественной опасности, а также формам общественного противодействия данному явлению в виде добровольных народных дружин.

Ключевые слова: Советская Белоруссия, оттепель, хулиганство, преступление, милиция, добровольная народная дружина, товарищеский суд.

Сведения об авторе: Гужаловский А. А. — д-р ист. наук, проф., Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь); huzhalouski@gmail.com

Белорусский государственный университет, Беларусь, 220030, Минск, пр. Независимости, 4

FOR CITATION

Huzhalouski A. A. 'Hooliganism in Soviet Belarus during the Thaw (1953–1968)', *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 2, 2024, pp. 483–497. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.214> (In Russian)

Abstract: The article is devoted to one of the manifestations of deviant behavior in Belarusian Soviet cities in the 1950s–1960s. During the Khrushchev “thaw” there was a significant increase in hooliganism. The reasons for this phenomenon were, first of all, the rapid urbanization caused by the large-scale industrialization of Soviet Belarus during this period. The heavy demographic consequences of the Great Patriotic War, as well as Stalin’s repressive policy during almost the whole post-war decade also played an important role. The hooligans themselves, most of whom were young members of the working class, justified their behavior with primitive propaganda clichés about social superiority which gave rise to a sense of permissiveness and impunity. During the “thaw” years, the authorities, which for a long time did not see hooliganism as a serious threat, undertook a series of legal and educational measures to curb it. However, the state policy to combat hooliganism was inconsistent and ineffective. Hooligans remained an integral part of everyday life in Belarusian cities even during the “stagnation”. The article shows the legislative initiatives of the authorities to curb hooliganism, in particular the decree of the Soviet Belarus Supreme Soviet of December 30, 1956 on responsibility for hooliganism; the division of hooligans in the 1960 Soviet Belarus Criminal Code into “bad” and “small” with the transfer of the latter to the comrades’ courts; and the decree of the USSR Supreme Soviet of July 26, 1966 “On increasing responsibility for hooliganism”. Particular attention is paid to the extent and forms of hooliganism in urban societies, the degree of its public danger, as well as forms of public counteraction to this phenomenon in the form of voluntary people’s squad.

Keywords: Soviet Belarus, thaw, hooliganism, crime, police, voluntary people’s squad, comrades’ court.

Author: Huzhalouski A. A. — Dr. Sci. in History, Professor, Belarusian State University (Minsk, Belarus); huzhalouski@gmail.com

Belarusian State University, 4, pr. Nezavisimosti, Minsk, 220030, Belarus

References:

Durkheim É. *Suicide: A study in sociology* (Moscow, 1994). (Rus. ed.)

La Pierre B. *Hooligans in Khrushchev’s Russia. Defining, policing, and producing deviance during the thaw* (Madison, 2012).

Suverov E. V., Karzanov N. V. ‘Counteraction to hooligan manifestations in the Altai Region in the 1950s–1960s’, *Pravoporiadok: Istorii, teoriia, praktika*, no. 3 (22), 2019, pp. 114–118. (In Russian)

Received: June 26, 2023

Accepted: December 27, 2023